

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

Международное гуманитарное право о новых видах оружия

*Котляров И.И.**

В статье дается критический анализ ст. 36 (Новые виды оружия) Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны. Понятие «новые виды оружия» следует рассматривать в контексте существующих в государствах и в целом в мировом сообществе на данный момент известных групп вооружений и боевой техники, на одни из которых установлены запреты или ограничения на использование в период вооруженных конфликтов, применение других – дозволено. Отсутствие в названной ст. 36 определения понятия «новые виды оружия» обрекает государства на трудности в выполнении ее положений, считает автор и формулирует свое определение новых видов оружия, раскрывает его содержание. Значительное внимание в статье уделяется необходимости установления государствами запретов на применение космического оружия как разновидности нового оружия.

Ключевые слова: международное гуманитарное право; Дополнительный протокол I 1977 г.; новые виды оружия; чрезмерные повреждения и излишние страдания; обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде; космическое оружие; меры по имплементации ст. 36 Дополнительного протокола I.

Каждое государство для обеспечения национальной безопасности и стабильности оснащает свои вооруженные силы современным

* Котляров Иван Иванович – к.ю.н., профессор кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России. ikotlyarov@mail.ru.

вооружением и боевой техникой. С учетом этих процессов, а также в связи с усиливающимся научно-техническим прогрессом в области создания вооружений в ст. 36 Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. закреплена норма, согласно которой *«при изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение новых видов оружия, средств или методов ведения войны Высокая Договаривающаяся Сторона должна определить, подпадает ли их применение, при некоторых или при всех обстоятельствах, под запрещения, содержащиеся в настоящем Протоколе или в каких-либо других нормах международного права, применяемых к Высокой Договаривающейся Стороне»*¹ (выделено нами. – И.К.).

Что же понимается под термином «новые виды оружия»?

В международно-правовых актах, доктрине международного гуманитарного права и комментарии к Дополнительному протоколу I не дается определения понятия «новые виды оружия» и не раскрывается его содержание. По-видимому, это связано с тем, что это понятие не является чем-то застывшим, а находится в процессе постоянного совершенствования в силу того, что на определенных этапах развития общества под воздействием научно-технического прогресса появляются новые и модернизируются старые вооружения.

Так, например, профессор А.И. Иойрыш отмечает, что в преддверии заключения Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г. многие исследователи относили «средства воздействия на природную среду» к «новым видам вооружений»².

Понятие «новые виды оружия» следует рассматривать в контексте существующих в государствах и в целом в мировом сообществе на данный момент известных групп вооружений и боевой техники, причем на одни из них установлены запреты или ограничения на использование в период вооруженных конфликтов, а применение других – дозволено.

В нашем случае речь идет о вновь создаваемых или приобретаемых новых видах оружия и/или боевой техники, технические характеристики (поражающие факторы) которых, а также методы использования которых в условиях вооруженных конфликтов неизвестны,

¹ См.: Международное гуманитарное право в документах. Сост. Ю.М. Колосов и И.И. Котляров М.: МНИМП, 1996. С. 356.

² Иойрыш А.И. Научно-технический прогресс и новые проблемы права. М., 1981. С. 39.

а правомерность их применения оценивают сами государства как приобретатели или создатели такого оружия.

Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что разработка, создание и принятие на вооружение государствами новых видов оружия и боевой техники зачастую для «широкой публики» остаются закрытыми, и в этом отношении трудно рассчитывать на то, что государство – соискатель нового оружия добровольно станет проверять его на предмет правомерности применения, как того требует ст. 36 Протокола I. Тем более «оправдываться» перед мировым сообществом в том случае, если вновь созданное оружие противоречит международному праву. Хотя авторы комментария к Дополнительному протоколу I придерживаются другой точки зрения на этот счет.

В частности, в нем отмечается, что государство, которое уважает обязательство, предусмотренное в ст. 36, и определит, что новое оружие запрещено, не обязано делать свои открытия публичными. Оговорка довольно понятна, так как современная стратегия очень часто полагается не на использование военных средств в традиционном виде, а на новые возможности, получаемые от исследований и состоящие в том, чтобы создать дисбаланс военных сил по отношению к противнику именно методами превосходящей технологии в форме новых видов оружия. Однако ст. 36 содержит в себе прогресс, так как она заполняет пустое пространство на международном уровне. Она предполагает обязательство установления внутренних процедур с целью определения законности создаваемых видов оружия, и другие договаривающиеся стороны могут запросить информацию по данному вопросу³.

В современных условиях, когда для государств практически всех регионов мира существует множество внутренних и внешних угроз, названная статья в некотором роде является утопической, так как существующие в настоящее время запреты на применение средств ведения войны для своего времени также относились к категории новых видов оружия, но запрещенными для применения они стали под большим давлением мировой общественности посредством заключения международных договоров. Примером тому являются Конвенция

³ См.: Pilloud Claude, De Preux Jean, Sandoz Yves [and others]. Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949. Geneva: International Committee of the Red Cross. Martinus Nijhoff Publishers, 1987. Ст. 1469. P. 421–428.

о запрещении химического оружия 1993 г., Конвенция о запрещении противопехотных мин 1997 г. и др.

Не комментируя содержание ст. 36 Протокола I, тем не менее достаточно высокую оценку ей дает Х.-П. Гассер; по его мнению, эта статья представляет своего рода «требование оценки проектов новых систем вооружений с гуманитарной точки зрения»⁴, с чем трудно не согласиться. Но, с другой стороны, она является, на наш взгляд, достаточно проблемной с содержательной и практической точек зрения уже только потому, что, как выразился цитируемый автор, содержит лишь «требование оценки проектов...». При отсутствии четкой и согласованной нормы о порядке ее реализации нам представляется, что названное требование превращается в декларацию. С формально-правовой точки зрения ст. 36 Протокола I является одним из обязательств государств – участников этого документа, которое должно ими безусловно выполняться. Деятельность государств на предмет определения правомерности применения новых видов оружия включает, исходя из ст. 36 Протокола I, ряд процедур в зависимости от того, на какой стадии находится процесс его создания или приобретения: например, на этапе заводских испытаний, покупки по контрактам от производителей других государств или же на этапе изучения, разработки или принятия на вооружение.

Цель этой статьи заключается в том, чтобы предостеречь государство как потенциального производителя (приобретателя) нового оружия от возможных нарушений норм международного гуманитарного права.

Критерии правомерности создания новых видов оружия, методов его использования сводятся к определению того, «подпадает ли их применение, при некоторых или при всех обстоятельствах», под запрещения, содержащиеся в Протоколе I или «в каких-либо других нормах международного права, применяемых к Высокой Договаривающейся Стороне».

Еще в конце XIX в. профессор М. Догель в своем труде отмечал, что на войне воспрещается употребление комбатантами такого рода оружия, без нужды увеличивающего страдания раненых или делающего каждую рану смертельной⁵. Как бы продолжая его мысль, но уже

⁴ См.: Гассер Х.-П. Международное гуманитарное право. Введение. М.: МККК, 1994. С. 81.

⁵ Запреты на применение на войне такого рода оружия мы встречаем еще в Средние века. Сумнер Мэн прекрасно излагает всю историю подобного рода запрещений и дает нам

в наше время, Э. Давид отмечает, что, когда государства создают или приобретают оружие нового типа, они должны удостовериться, не будет ли его применение нарушением норм права вооруженных конфликтов, под которыми они поставили свои подписи (Санкт-Петербургская декларация, последний абзац; Дополнительный протокол I, ст. 36). Независимо от того, существуют ли какие-либо регламентирующие акты или нет, нельзя использовать оружие нового типа, если оно причиняет комбатантам бессмысленные страдания, обладает неизбирательным действием или в целом нарушает законы человечности или требования общественного сознания, изложенные в оговорке Мартенса; другими словами, в том случае, когда оно применяется с нарушением основных норм права вооруженных конфликтов⁶.

В современных условиях ситуация с выполнением государствами ст. 36 Протокола I осложняется еще и тем немаловажным фактором, что среди государственных деятелей, ученых, военных, дипломатов нет единого подхода к правовой оценке существующих средств ведения войны (пример тому – ядерное оружие). Более того, далеко не все государства являются участниками существующих договоров по международному гуманитарному праву (например, США до сих пор не стали участником Дополнительного протокола I). Поэтому не удивительно, что на сегодняшний день не существует единого «оценочного» критерия, который позволял бы государствам определять, какие вновь созданные виды оружия должны подлежать запрету.

Теоретически, как правильно отмечают названные выше ученые, государства не должны применять в вооруженных конфликтах новые виды оружия, которые противоречат нормам международного гуманитарного права. Но юридически и фактически ст. 36 Протокола I таких требований не содержит, скорее всего, она является декларативной, так как не требует определенного должного поведения государств

картину постепенного развития идеи о незаконности на войне таких боевых средств, которые без нужды увеличивают страдания раненых. В 1139 г. на Латранском соборе были преданы проклятию арбалеты, которые названы “*ars illa mortifera et Deo odibilis*”; введение огнестрельного оружия в войсках было также первоначально принято с негодованием. Байяр, «рыцарь без страха и упрека», приказывал своим солдатам не давать пощады врагам, вооруженным аркебузами. Папа Иннокентий III буллой воспретил употребление огнестрельного оружия в войсках между христианами; равным образом долгое время считались вероломными врагами неприятли, вооруженные мушкетами, карабинами, ружьями со штыками. См.: Догель М. Юридическое положение личности во время сухопутной войны. Комбатанты. Казань, 1894. С. 265.

⁶ Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: МККК., 2000. С. 287.

даже в том случае, если ими будет выявлена противоправность создания и применения нового вида оружия.

Как мы видим, в формулировке указанной статьи просматривается недосказанность, она не имеет логического завершения в том плане, что не предписывает государствам (не вменяет им в обязанность) устанавливать запрет на применение созданного или приобретенного ими оружия в случае противоречия его тактико-технических характеристик, поражающих факторов международному праву.

Несовершенство⁷ формулировок ст. 36 Протокола I очевидно с учетом того, что уже было сказано выше: в данном случае речь идет о достаточно неопределенной фразе: «подпадает ли их применение, при некоторых или при всех обстоятельствах...». Что она может означать для экспертов, назначенных в комиссию по определению правомерности применения новых видов оружия? Какое может быть наиболее правильное толкование и понимание ее юристами?

Нам представляется, что критерием правомерности создания и применения новых видов оружия должны быть принципы и нормы общего международного права, международно-правовые акты, относящиеся к международному гуманитарному праву, включая Дополнительный протокол I, и содержащие запреты на использование средств ведения войны, которые обладают определенными антигуманными поражающими свойствами:

- а) причиняют чрезмерные повреждения и излишние страдания;
- б) обладают неизбирательным действием;
- в) ведут к неизбежной смерти;

⁷ На пробелы ст. 36 Дополнительного протокола I нами указывалось и ранее. В частности, речь шла о том, что названная статья довольно расплывчата и ни к чему не обязывает участников Дополнительного протокола I. Неясно в ней также, какова процедура определения соответствия новых видов оружия международному праву, какой орган должен этим заниматься, каковы дальнейшие действия государств после экспертной оценки? Как поступать государствам в том случае, если, например, приобретенное оружие противоречит международному праву, или в случае отсутствия прямого запрета на его применение, хотя по существу оно является антигуманным? Примером тому является упоминавшееся ядерное оружие. Научно-технический прогресс в деле создания новых вооружений зачастую опережает развитие международного права. Поэтому соблюдение ст. 36 в такой формулировке создает естественные трудности для ее реализации. См.: Котляров И.И. Международное гуманитарное право. М., 2006. С. 172–173. См. также: Батырь В.А. Международно-правовая регламентация применения средств ведения вооруженной борьбы в международных вооруженных конфликтах // Государство и право. 2001. № 10. С. 66.

г) наносят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде.

Причем для признания новых видов оружия в качестве противоправного средства ведения войны достаточно того, чтобы они обладали хотя бы одним из названных выше антигуманных свойств.

Таким образом, *новые виды оружия*, на наш взгляд, можно *определить как оружие, технические характеристики которого требуют правовой оценки при изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение на предмет соответствия принципам и нормам общего международного права, отраслевым принципам и нормам международного гуманитарного права, запрещающим причинять чрезмерные повреждения и излишние страдания, обладать неизбежным действием, вести к неизбежной смерти, наносить обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде.*

В случае установления независимой экспертизой, что вновь созданные виды оружия противоречат международному праву, государство обязано запретить его разработку, приобретение у других государств, принятие на вооружение и применение в случае вооруженного конфликта.

При проведении экспертной оценки новых видов оружия нельзя сбрасывать со счетов и субъективный фактор, в силу того что государствами не выработаны также и единые процедуры проведения такой экспертизы (помимо отсутствия «оценочного» критерия оружия, о чем мы говорили выше).

В такой ситуации одни государства могут рассматривать вновь созданные ими виды оружия как соответствующие международному праву, другие – занимать противоположную точку зрения и настаивать на его запрещении.

Так, известно, например, что в 2007 г. США завершили разработку специальных кассетных бомб, оснащенных механизмом самоуничтожения, а также продолжают разработку нового оружия, которое в некотором роде напоминает молнию, мощную настолько, что ее использование позволит «изжарить» любое электронное оборудование. Конструкторы пытаются оборудовать самолет или крылатую ракету так называемым High-Powered Microwave (HPM) лучом. Небольшой импульс будет летальным для электроники и совершенно безвредным для людей. Эксперты предполагают, что первые версии данного ору-

жия будут использованы во время войны с Ираком, которая в очередной раз обещает стать испытательным полигоном⁸.

Кроме того, как правильно отмечает академик В. Белоус, США предпринимают настойчивые попытки обеспечить себе особое положение в мире, прочно занять лидирующее положение в системе международной безопасности, обеспечить подавляющее военное превосходство над любым потенциальным противником⁹.

Над созданием новейших образцов вооружений работают и многие другие государства. Так, Индия в целях обеспечения своей безопасности намерена приступить к разработке новейших систем вооружения – так называемого «оружия будущего». Об этом заявил премьер-министр страны Манмохан Сингх в эфире телеканала NDTV¹⁰.

Россия также, будучи озабочена внешними и внутренними угрозами национальной безопасности и стабильности, предпринимает должные усилия по обеспечению Вооруженных Сил современными видами вооружения и боевой техники¹¹.

Возникает вопрос: давалась ли правовая оценка названным выше образцам оружия на предмет соответствия их международному гуманитарному праву, правомерно ли применение тех же американских кассетных бомб в вооруженных конфликтах? Вправе ли государство настаивать на проведении правовой оценки вновь создаваемых (созданных) другими государствами образцов оружия, технические характеристики которых вызывают сомнения в правомерности принятия их на вооружение или применение которых вовсе противоречит международному праву? То есть фактически речь идет об осуществлении международного контроля над процессом создания новых вооружений. Заметим, что на проведение международного контроля государства далеко не всегда соглашались даже в отношении тех вооружений, которые они готовы поставить под запрет.

Несомненно, на поставленные вопросы ст. 36 Протокола I ответа не дает. Его можно получить только от государств, заинтересованных в согласованном разрешении поставленных проблем, путем принятия соответствующего договорного документа.

⁸ <http://www.hizone.info/index.html?di=200301>

⁹ <http://viperson.ru/wind.php?ID=10434>

¹⁰ <http://www.podrobnosti.ua/power/security/2006/05/14/312448.html>

¹¹ Однако качественный анализ показывает, что доля современных образцов вооружения и военной техники России составляет 20–30%, в то время как в современных армиях мира этот показатель – более 70%.

Очевидно, что в современных условиях глобализации международных отношений государства, имеющие экономический и военный потенциал для создания новых видов оружия и создающих его, вряд ли поступятся своими узкокорыстными интересами ради решения общемировых гуманитарных проблем, особенно те из них, которые в силу собственных амбиций предпочитают навязывать свои правила игры международному сообществу.

В связи с этим нельзя не процитировать речь Президента РФ В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности в феврале 2007 г., где он отчетливо заявил: «Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того, отдельные нормы, да, по сути, чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере – и навязывается другим государствам»¹².

На 28-й Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца была принята Повестка дня для гуманитарной деятельности, дополнением к которой в рамках МККК было разработано Руководство по осуществлению правовой оценки законности новых видов оружия, средств и методов ведения военных действий (Меры по имплементации статьи 36 Дополнительного протокола I 1977 года)¹³.

Сразу же отметим неудачное название этого документа – Руководство¹⁴ – как неизвестный до сих пор «источник» международного права; правильнее было бы назвать его комментарием к ст. 36 Протокола I или рекомендациями в силу того, что межгосударственным отношениям присущ координационный, а не субординационный характер.

Целью названного Руководства является оказание помощи государствам в установлении или усовершенствовании процедур

¹² Мюнхенская речь Путина. <http://kremlin.ru/>

¹³ Далее – Руководство. Сайт МККК: <http://www.icrc.org/web/rus/siterus0.nsf/htmlall/new-weapons-publication-190106?open document>

¹⁴ Название указанного документа ассоциируется с разновидностью источников (подзаконных правовых актов) внутригосударственного, а не международного права. К тому же правильным было бы говорить не о «...законности новых видов оружия ...» (законы не являются источниками международного права), а о их правомерности как более правильном термине применительно к межгосударственным отношениям. Более того, в полном названии Руководства термин «законность» является излишним в силу того, что в нем речь идет о правовой оценке (т.е. оценке на предмет правомерности, «законности») новых видов оружия. Сайт МККК – www.icrc.org/rus.

по определению *законности* (точнее, правомерности. Выделено нами. — И.К.) новых видов оружия, средств и методов ведения военных действий в соответствии со ст. 36 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г.

Предлагая интерпретации текста ст. 36 Протокола I и практики государств, данное Руководство описывает как смысловые, так и процедурные аспекты, которые необходимо учесть при установлении механизма определения правомерности применения новых видов оружия. Согласно Руководству, правовой анализ на предмет соответствия международному праву применим как к видам оружия в самом широком смысле этого слова, так и к методам их применения, учитывая тот факт, что средства ведения военных действий не могут быть подвергнуты оценке без учета ожидаемого метода их использования. В нем верно отмечается, что правовой основой анализа является международное право, применимое в отношении государств, включая международное гуманитарное право. В частности, Руководство справедливо относит к международно-правовой базе при оценке новых видов оружия договорные и обычные запрещения и ограничения на использование отдельных видов оружия, а также общие нормы международного гуманитарного права, применимые ко всем методам и средствам ведения военных действий.

Бесспорно, этот документ весьма полезен для государств, так как он нацеливает их на добросовестное выполнение своих обязательств по международному гуманитарному праву.

Руководство представляет собою своего рода методiku, устанавливающую единые критерии для государств при изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение новых видов оружия на предмет соответствия их принципам и нормам международного права. Проявленная инициатива МККК заслуживает всяческого одобрения в силу того, что значительно облегчает установление в конечном итоге правомерности применения вновь созданного (создаваемого) оружия и методов его использования.

В то же время Руководство содержит и некоторые неточности, устранение которых облегчило бы понимание этого документа специалистами государств. Так, сам стиль изложения положений Руководства больше напоминает документ, изданный надгосударственным органом, который «обязывает государства» обеспечить правомерность всех новых видов оружия, средств и методов ведения военных действий путем

осуществления строгого и междисциплинарного анализа. В нем говорится, что «статья 36 Дополнительного протокола I требует того, чтобы *каждое государство – участник Женевских конвенций определило* (выделено нами. – И.К.), будет ли внедрение любых новых видов оружия, средств или методов ведения военных действий, которые оно изучает, разрабатывает, приобретает или принимает к использованию в некоторых или во всех обстоятельствах, *запрещено международным правом*» (выделено нами. – И.К.).

Неточность редакции цитируемого положения Руководства состоит в том, что «каждое государство – участник Женевских конвенций» не может в одностороннем порядке юридически определить, будет ли внедрение создаваемых им образцов нового оружия и методов его применения «запрещено международным правом», так как международное право, его источники представляют согласованное мнение всех государств – участников соглашения по поводу запрещения тех или иных видов оружия, а не только позицию государства – соискателя новых средств и методов ведения войны¹⁵.

На самом деле требование, предъявляемое к государствам ст. 36, совсем иное – «*определить, подпадает ли их применение, при некоторых или при всех обстоятельствах, под запрещения* (выделено нами. – И.К.), содержащиеся в настоящем Протоколе или в каких-либо других нормах международного права, применяемых к Высокой Договаривающейся Стороне». И даже если государство в результате правовой оценки новых видов оружия придет к заключению о дозволенности его применения как средства ведения войны, то этот односторонний вывод вовсе не будет являться бесспорной истиной для остальных государств.

Об этом фактически речь и идет в упоминавшемся Комментарий к Протоколу I, в котором отмечается, что требование определения правомерности применения новых видов оружия, предъявляемое к государствам данной статьей (ст. 36. – Примеч. наше. И.К.), не имеет цели создать иллюзорную норму (стандарт), что применение оружия

¹⁵ В то же время договорная практика государств свидетельствует о том, что мнения участников переговоров по поводу запрещения тех или иных видов оружия порою настолько противоречивы, что после проведения многолетних дискуссий так и не удается прийти к согласию и заключить договор. Пример тому – Проект статей Комиссии международного права об ответственности государств. См.: Лукашук И.И. Кодификация права международной ответственности // Московский журнал международного права. 2002. № 3. С. 3–15.

запрещено или разрешено потому, что такое положение не закреплено в международно-правовом акте, но хочется верить, что обязательство делать такие определения будет гарантировать, что средства и способы ведения войны не будут приняты на вооружение без тщательно-го изучения вопроса правомерности его создания. От государства не требуется предвидеть или проанализировать все возможные варианты противоправного использования оружия, так как почти любое запрещенное оружие может быть использовано вопреки существующим запретам¹⁶.

В Руководстве, как и в самой ст. 36 Протокола I, речь идет о новых видах оружия, средствах и методах ведения войны, что противоречит п. 1 ст. 35 Протокола I¹⁷, в котором говорится лишь о методах и средствах ведения войны, исходя из того, что термин «оружие» охватывается понятием «средства». И это подтверждается п. 2 этой же статьи, в которой речь идет о запрете «применять оружие, снаряды, вещества и методы ведения военных действий».

Как мы видим, в п. 2 ст. 35 термины «оружие, снаряды, вещества...» излишне детализируют понятие «средства», о которых говорится в п. 1 ст. 35 Протокола I. То есть говорить в ст. 36 Протокола I и комментарии к нему о трех понятиях: «оружии», «средствах» и «методах» — значит вносить путаницу в текст, и так страдающий рядом пробелов и неточностей, о которых говорилось выше.

Консультативная служба МККК оказывает значительную помощь по имплементации норм международного гуманитарного права в национальное законодательство, включая ст. 36 Протокола I. Ввиду того, что в Дополнительном протоколе I не уточняется, каким образом следует устанавливать соответствие методов и средств ведения войны нормам международного права, о чем мы уже говорили, Консультативная служба рекомендует каждому государству-участнику самостоятельно принимать административные меры, позволяющие им выполнить свои обязательства, предусмотренные ст. 36: от создания специального комитета по установлению такого соответствия до передачи определенных

¹⁶ См.: Pilloud Claude, De Preux Jean, Sandoz Yves [and others]. Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949. Geneva: International Committee of the Red Cross. Martinus Nijhoff Publishers, 1987. Ст. 1469. P. 421–428.

¹⁷ Напомним, что в п. 1 ст. 35 Протокола I говорится: «В случае любого вооруженного конфликта право сторон, находящихся в конфликте, выбирать методы и средства ведения войны не является неограниченным (выделено нами. – И.К.).»

полномочий отдельным структурам министерства обороны, начальнику военной юридической службы или каким-либо иным службам вооруженных сил.

Государствам рекомендуется проводить такой правовой анализ как можно раньше – на стадии изучения и разработки новых видов оружия или на этапе их приобретения и принятия на вооружение, но в любом случае эта работа должна быть проделана до того, как встанет вопрос об их применении. В тех странах, где имеются национальные комитеты по имплементации международного гуманитарного права, властным структурам рекомендуется сотрудничать с ними в деле принятия процедуры установления соответствия новых видов оружия нормам международного права¹⁸.

Надо заметить, что некоторые рекомендации Консультативной службы вызывают сомнения в их правомерности. Так, по мнению специалистов этой службы, действие ст. 36 Протокола I распространяется также на существующие виды оружия, средства и методы ведения войны, если они подверглись изменению уже после того, как было установлено их соответствие нормам международного права. То есть речь идет о распространении ст. 36 и на вооружения, которые после правовой оценки на предмет правомерности применения подверглись модернизации, что формально противоречит указанной статье, так как в ней не содержится такое требование к государствам.

Более того, Консультативная служба считает, что правовой оценке на предмет правомерности применения оружия должны подвергаться также вооружения, подлежащие экспорту, несмотря на то, что это обязательство специально не оговаривается в ст. 36 Протокола I. Строго говоря, в ст. 36 Протокола I говорится о проверке правомерности применения новых видов оружия приобретателем такого оружия, а не экспортером.

Таким образом, ни положения Руководства, ни расширенное толкование ст. 36 не приведут к желаемому результату, если государства сами не придут к взаимоприемлемому и согласованному решению о необходимости изменения юридического содержания ст. 36 Протокола I.

Проблема недопустимости применения воюющими космического оружия для бомбардировок объектов на земле и в космосе. Рассматривая проблему создания и применения новых видов оружия, нельзя не сказать о недопустимости использования оружия в космосе

¹⁸ Сайт МККК – www.icrc.org/rus

и из космоса в отношении Земли в силу того, что такая опасность в современных условиях является далеко не беспочвенной.

Еще задолго до начала космической эры в США и других государствах активно обсуждались проекты создания оружия, предназначенного для размещения в околоземном космическом пространстве и даже на Луне. Начало практической деятельности по исследованию и использованию космоса стало своеобразным сигналом к переводу проектов космического оружия в стадию практической реализации. Такое оружие, по расчетам авторов, выполняющих заказы самых консервативно настроенных политических и военных группировок, а также руководителей военно-промышленных комплексов, должно обеспечить возможность поражения целей не только в космическом пространстве, но и на поверхности планеты — на суше и в Мировом океане.

Перед лицом столь лихорадочной активности западных государств, стремящихся расширить масштабы военной деятельности в космосе, резко возросла потребность в скорейшей выработке международно-правовых норм, которые запретили бы вывод в космическое пространство и боевое применение оружия любого рода, что мы отмечали ранее¹⁹.

Что представляют собою *космические вооружения*? Это совокупность *космических комплексов, космических систем* и средств, предназначенных для решения военных задач в космосе и из космоса. Появление этого термина связано с возможным использованием космического пространства в военных целях и разработкой для этого специального космического оружия, основанного на новейших научных достижениях и открытиях²⁰.

¹⁹ См.: Котляров И.И. «Звездный мир» против «звездных войн». Политико-правовые проблемы. М., 1988. С. 129.

²⁰ В рамках космических программ ряда стран разрабатываются космические вооружения следующих видов: кинетическое оружие, оружие направленной энергии, включающее лазерное, ускорительное (на пучках нейтральных и заряженных частиц) и сверхвысокочастотное (СВЧ), использующее в качестве источника энергии мощные СВЧ-генераторы либо ядерный взрыв. Этим оружием предполагается оснащать боевые космические станции (платформы), другие боевые космические аппараты и противоспутниковые боевые системы. Для боевых космических аппаратов создаются высокоэффективные, в основном активно-пассивные оптико-электронные, средства обнаружения, сопровождения целей и управления оружием. Кроме того, в состав космических вооружений входят космические системы и средства, обеспечивающие боевое применение стратегического оружия наступательных и оборонительных сил, включающие космические комплексы и системы фото-, оптико-электронной, радио-

Впервые идея вывода в космос оружия для поражения наземных целей была сформулирована в виде перспективного технического проекта еще в 30-х годах Г. Обертом и получила активную поддержку верха Третьего рейха. Помимо спутников, оснащенных средствами бомбометания, Оберт предлагал также сборку на орбите гигантского зеркала диаметром 1600 миль, которое позволило бы концентрировать солнечный свет и направлять его на населенные пункты и военные объекты противника, чтобы уничтожить их на большом удалении²¹. Однако этот проект гитлеровской Германии осуществить так и не удалось.

Нормы международного гуманитарного права, принятые более ста лет назад, о которых мы уже упоминали²², запрещают «метание снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров или при помощи иных подобных новых способов», «атаковать или бомбардировать *каким бы то ни было способом незащищенные города, селения, жилища или строения* (выделено нами. – И.К.)». Давно сформулированные, эти запреты тем не менее и поныне остаются действующими, несмотря на то что научно-технические успехи в области создания вооружений позволяют создавать качественно новое и более грозное оружие. В этих документах недвусмысленно оговаривается предположение о возможном совершенствовании со временем технических характеристик оружия, методов его применения, что выражено во фразах «или при помощи иных подобных *новых способов*», «*каким бы то ни было способом*» (курсив автора. – И.К.)

Под понятие «новых способов» и средств разрушения объектов на Земле вполне подпадают комплексы космического оружия, составляющие противоракетную систему космического базирования, создание которой планировалось в рамках программы «звездных войн», озвученной 23 марта 1983 г. в речи президента США Рейгана. Несомненно, такого рода проекты представляли бы всеобщую опасность для жителей всей Земли, и поэтому противоправность их создания очевидна и с точки зрения международного гуманитарного права.

локационной, радио- и радиотехнической разведки и др. См.: Военная энциклопедия. Т. 4. С. 213.

²¹ См.: Manno J. Arming the Heavens. The Hidden Military Agenda for Space, 1945-1995. N. Y., 1984. P. 8-9.

²² Например, Декларация о запрещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров от 5 (18) октября 1907 г., Положение о законах и обычаях сухопутной войны от 5 (18) октября 1907 г., являющееся приложением к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны.

Исторически СССР (Россия) всегда исходил из того, что исследование и использование космоса исключительно в мирных целях является составной частью программы всеобщего и полного разоружения под строгим международным контролем, в связи с чем еще в 50–60-х гг. XX в. был выдвинут ряд инициатив²³. Однако западные державы не были готовы к свертыванию гонки вооружений, предотвращению ее распространения на космос.

В дальнейшем целый ряд советских предложений был направлен на то, чтобы поставить надежный заслон угрозе распространения гонки вооружений на космическое пространство.

На решение этой задачи был нацелен проект Договора о запрещении размещения в космическом пространстве оружия любого рода (1981 г.), проект Договора о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли (1983 г.), проект резолюции Генеральной Ассамблеи ООН об использовании космического пространства исключительно в мирных целях, на благо человечества (1984 г.), проект резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о международном сотрудничестве в мирном освоении космического пространства в условиях его немилитаризации (1985 г.). Эту же цель преследовал Советский Союз, предлагая правительству США провести двусторонние переговоры по предотвращению милитаризации космоса.

Ради облегчения достижения позитивных результатов на многосторонних и двусторонних переговорах Советский Союз в августе 1983 г. в одностороннем порядке ввел мораторий на вывод в космос каких-либо видов противоспутникового оружия, а в июне 1984 г. предложил США установить на взаимной основе, начиная с даты открытия переговоров, мораторий на испытания и развертывание космических вооружений, к которому могли бы присоединиться другие государства. Продолжением этого курса, направленного на предотвращение гонки вооружений в космосе и ее прекращение на земле, явились предложения Советского Союза на советско-американских переговорах по космическим и ядерным вооружениям, которые открылись в Женеве в марте 1985 года.

Во время советско-американской встречи на высшем уровне в Рейкьявике в октябре 1986 г. Советским Союзом были сделаны далеко идущие предложения, представляющие собой сбалансированный пакет

²³ См.: 50 лет борьбы СССР за разоружение. Сборник документов. М., 1967. С. 328, 361, 406.

мер, направленных на то, чтобы в исторически короткий отрезок времени прийти к полной ликвидации всех видов ядерного оружия. Согласно этим предложениям запрету подлежали бы натурные испытания космических элементов системы ПРО, но разрешались бы их исследования и испытания в лабораториях. Предполагалось также, что в течение последующих нескольких лет стороны могли бы найти дальнейшие взаимоприемлемые решения в этой области.

Что касается многосторонних переговоров, то советский проект договора о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли, переданный по решению Генеральной Ассамблеи ООН на рассмотрение Конференции по разоружению, предусматривал меры, во-первых, исключающие использование космических объектов в качестве средств поражения и носителей оружия и, во-вторых, гарантирующие безопасное функционирование самих космических объектов²⁴.

Таким образом, с самого начала освоения космоса Советским Союзом до середины 80-х гг. прошлого века советские предложения о предотвращении милитаризации космоса²⁵ не были услышаны западными странами.

В дальнейшем последовали новые официальные российские инициативы 2001–2005 гг. о конкретных мерах открытости, укрепления доверия и недопущения размещения оружия в космосе, а также предложенный Россией и Китаем в 2002 г. в рамках Конференции по разоружению документ о возможных элементах международно-правовой договоренности о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве. В противном случае появление космического оружия у одной державы может обернуться эскалацией ситуации, поскольку вызовет ответную реакцию других стран, превратит околоземное пространство в потенциальный «театр военных действий»²⁶.

²⁴ См.: В.С. Верещетин. Юридические аспекты запрещения применения силы в космическом пространстве и предотвращения гонки космических вооружений. В кн.: Космическое оружие: дилемма безопасности / Под ред. Е.П. Велихова, Р.З. Сагдеева, А.А. Кокошина. М., 1986. С. 163–164.

²⁵ Об усилиях СССР по предотвращению милитаризации космоса говорят документы Министерства иностранных дел. См.: Борьба СССР за мирное использование космоса. Документы и материалы. Т. 1, 2. М., 1985 (общий объем около 1000 с.).

²⁶ См.: Лысенко М.И. Правовые проблемы и перспективы запрещения оружия в космосе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 3.

Причем, в отличие от «обычных», или «классических», видов оружия, — отмечал профессор Ю.М. Колосов еще сорок лет тому назад, — космическая военная техника является трудно уязвимой, поскольку она может находиться на таких высотах и двигаться с такими скоростями, что борьбу против нее можно практически вести не иначе как при помощи космической техники²⁷. Здравый рассудок подсказывает, что вовлечение космического пространства в сферу гонки вооружений представляет собой слишком большую опасность для дела мира...²⁸.

Последовательность политики России в деле о недопустимости использования космоса в военных целях подтверждена также в мюнхенском выступлении Президента РФ В.В. Путина, где он подчеркнул, что «нельзя допустить появления *новых дестабилизирующих высокотехнологических видов оружия*», не говоря уже «о мерах по предупреждению новых сфер конфронтации, особенно в космосе»²⁹ (выделено нами. — И.К.).

После войны в зоне Персидского залива космические силы и средства стали играть важную роль практически в каждом конфликте, в котором задействовались ВС США, включая операции в Ираке («Провайд Комфорт»), Сомали («Рестор Хоуп») и бывшей Югославии («Провайд Промис»). Поэтому при разработке планов и программ дальнейшего развития вооруженных сил США все больший акцент делается на необходимости создания мощного военного космического потенциала³⁰.

²⁷ Существуют различные способы применения космического оружия в военных целях: 1. Поражение ракет противника на траектории подлета к цели (противоракетная оборона). 2. Подавление радиосвязи на обширных территориях («радиоглушение» и электромагнитный импульс). 3. Вывод из строя радиоэлектронного оборудования противника. 4. Уничтожение космических орбитальных баз и спутников противника. 5. Лишение противника космодрома (физическое уничтожение или выведение за пределы государства военными или политическими методами). 6. Бомбардировка территории противника из космоса (превентивные удары ядерными и высокоточными неядерными бомбами с лазерным и радионаведением). 7. Поражение удаленных целей в космическом пространстве (лучевое и ракетное поражение удаленных станций и др. См.: Космическое оружие: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

²⁸ См.: Колосов Ю.М. Борьба за мирный космос. М., 1968. С. 34.

²⁹ Мюнхенская речь В.В. Путина. <http://kremlin.ru/>

³⁰ В качестве реальных шагов к достижению превосходства в космосе США предпринимаются усилия по созданию новой системы противоспутникового оружия (АСАТ). Ее разработка велась еще в 1970-80-х годах. «Ранний» АСАТ включал в себя систему оружия «прямого» действия, запускаемую с борта самолета F-15. Она имела инфракрасный датчик для наведения на космический объект. Предполагается, что существующие и доработанные носители могут быть использованы для вывода на орбиту

Исходя из сказанного применение космических средств для нанесения боевых ударов из космического пространства или военных баз, дислоцированных на Луне и других небесных телах, по земным гражданским объектам, враждебное воздействие на природную среду и климат вошли бы в противоречие с нормами международного гуманитарного права, которые запрещают «атаковать или бомбардировать *каким бы то ни было способом* (выделено нами. – И.К.) незащищенные города, селения, жилища или строения» (ст. XXV Положения о законах и обычаях сухопутной войны), применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде (п. 3 ст. 35 Дополнительного протокола I), прибегать к военному или любому иному враждебному использованию средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству-участнику (ст. I Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г.³¹)

Как правильно отмечал профессор И.Н. Арцибасов, ст. XXV Положения о законах и обычаях сухопутной войны, о которой сказано выше, как и другие положения Гаагских конвенций, согласно приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге является частью обычного международного права³².

Кроме того, на космическое пространство, так же как и на другие пространственные сферы, которые могут быть театром войны,

кинетических средств перехвата спутников противника на низкой околоземной орбите. В качестве носителей могут служить две первые ступени разукомплектованной баллистической ракеты морского базирования «Поларис» или снятой с вооружения МБР «Минитмен-2». В будущем для уничтожения спутников противника возможно использование наземных лазерных установок, которые планируется создать в ближайшие 10 лет. Кроме того, для временного выведения из строя аппаратов противника над территорией США или над зоной боевых действий предлагается использовать микроволновые установки большой мощности. Считается, что создание наземных лазерных установок не будет нарушением договоров, которые ограничивают разработку и применение противоспутникового оружия космического базирования. См.: Бабушкин С.А. США на пути к военному превосходству в космосе // «Военная мысль». 1997. № 6. 1999. С. 73, 77.

³¹ Международное гуманитарное право в документах. Указ. соч. С. 452.

³² Арцибасов И.Н. Международное право (законы и обычаи войны): Учебное пособие. М., 1975. С. 48.

распространяется «оговорка Мартенса», согласно которой «в случаях, не предусмотренных ... гражданские лица и комбатанты остаются под защитой и действием принципов международного права, проистекающих из установившихся обычаев, из принципов гуманности и из требований общественного сознания».

С учетом развития научно-технического прогресса и появлением космических средств, которые могут быть использованы в качестве новых видов оружия, в развитие Положения о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., представляется, целесообразным и своевременным было бы инициировать дальнейшее продвижение советских предложений 1981, 1983 гг. о заключении договоров, запрещающих размещение в космическом пространстве оружия любого рода и применение силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли, включая положения о запрещении бомбардировок из космоса незащищенных городов, населенных пунктов и гражданских объектов.

Заключение таких договоров явилось бы последовательным шагом в дальнейшем прогрессивном развитии норм международного гуманитарного права, сфера действия которых охватывала бы и космическое пространство.

Библиографический список

Арцибасов И.Н. Международное право (законы и обычаи войны): Учебное пособие. М., 1975.

Бабушкин С.А. США на пути к военному превосходству в космосе // Военная мысль. 1997. № 6.

Борьба СССР за мирное использование космоса. Документы и материалы. Т. 1, 2. М., 1985.

Верещетин В.С. Юридические аспекты запрещения применения силы в космическом пространстве и предотвращения гонки космических вооружений. В кн.: Космическое оружие: дилемма безопасности / Под ред. Е.П. Велихова, Р.З. Сагдеева, А.А. Кокошина. М., 1986. С. 163-164.

Военная энциклопедия. Т. 4. М., 1999. С. 213.

Гассер Х-П. Международное гуманитарное право. Введение. М.: МККК., 1994.

Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: МККК., 2000.

Догель М. Юридическое положение личности во время сухопутной войны. Комбатанты. Казань, 1894.

Иойрыш А.И. Научно-технический прогресс и новые проблемы права. М., 1981.

Колосов Ю.М. Борьба за мирный космос. М., 1968.

Котляров И.И. Международное гуманитарное право. М., 2006.

Котляров И.И. «Звездный мир» против «звездных войн». Политико-правовые проблемы. М., 1988.

Лукашук И.И. Кодификация права международной ответственности // Московский журнал международного права. 2002. № 3. С. 3-15.

Лысенко М.И. Правовые проблемы и перспективы запрещения оружия в космосе. Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2006.

Manno J. Arming the Heavens. The Hidden Military Agenda for Space, 1945-1995. N. У., 1984.

Международное гуманитарное право в документах. Составители Колосов Ю.М. и Котляров И.И. М.:МНИМП, 1996.

Pilloud Claude, De Preux Jean, Sandoz Yves [and others]. Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949. Geneva: International Committee of the Red Cross. Martinus Nijhoff Publishers, 1987. Ст. 1469. Р. 421-428.

50 лет борьбы СССР за разоружение. Сборник документов. М., 1967. С. 328, 361, 406.

International Humanitarian Law on New Weapons (Summary)

*Ivan I. Kotlyarov**

The author analyses Art. 36 (New weapons) of the Additional Protocol I to the Geneva Conventions of 12 August 1949. The term “new weapons” should be considered in the context of currently existing groups of weapons, taking into consideration that the use of some weapons is limited during armed conflicts while the use of others is permitted. In the author’s opinion, the absence of the term “new weapons” definition in the art. 36 produces difficulties and hinders implementation of the article. The author introduces his definition of the term and discloses its contents. Extensive attention is paid to the need of prohibition of space weapons as a type of new weapons.

Keywords: International humanitarian law; Additional Protocol I (1977); new weapons; superfluous injury or unnecessary suffering; long-term and severe damage to the natural environment; space weapons; means of implementation of art. 36 of the Additional Protocol I.

* Ivan I. Kotlyarov - Ph.D. in Law, professor of the Chair of Human rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. ikotlyarov@mail.ru.